

Ралф
ЭМЕРСОН

НРАВСТВЕННАЯ
ФИЛОСОФИЯ

УДК 14
ББК 87.3
Э 54

Серия основана в 1998 году

Эмерсон Р.

Э 54 Нравственная философия. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. — 384 с. — (Классическая философская мысль).

ISBN 985-433-985-8.

Читателю представляется возможность ознакомиться с уникальным изданием — книгой Р. У. Эмерсона (1803—1882), представителя и главы американского философско-литературного движения трансцендентализма, сподвижника Т. Торо.

Основные идеи, которые развивал Эмерсон и которые нашли отражение в первой части, — это идеи социального равенства «равных перед Богом» людей, самоусовершенствование, близость к природе, очищение человека от «вульгарно-материальных» интересов. Во второй части дана блестящая характеристика «духовных отцов» человечества, представляющая интерес и для современного читателя.

УДК 14
ББК 87.3

ISBN 985-433-985-8 (Харвест)
ISBN 5-17-001832-0 (АСТ)

© Оформление. Харвест, 2000

ЧАСТЬ I

ОПЫТЫ

ДОВЕРИЕ К СЕБЕ

Я прочел недавно несколько стихотворений одного отличного живописца. Они были написаны с самобытностью, не на условный лад, а на таком основании предмета, который, каков бы он ни был, всегда доставит душе нашей новую, свежую заметку, и чувство, им возбужденное, будет гораздо важнее изложения и формы, в которые облек их автор. Отчего же мы не верим в свою мысль? Отчего не верим, что то чувство, которое наше сердце сознает истинным, не есть тоже истинное чувство и других людей? До сих пор право этого сознания оставалось за одним признанным гением, но следовало бы удостоверить и нам, что когда мы выразим самое сокровенное наше убеждение, то обозначится, что оно есть достояние и многого множества людей, потому что все субъективное может стать объективным. И заметьте, как часто случается, что наша собственная мысль возвращается к нам извне, с гласностью трубы судного дня.

Величайшая заслуга Платона, Мильтона состоит в том, что они обратили в ничто существовавшие до них книги и предания, выразили то, что думали сами они, а не то, что думали окружающие их люди. Каждый из них должен подстергать и улавливать ту светоносную искру, которая вспыхивает и загорается в его собственной

душе для каждого из нас. Это имеет гораздо более важности, нежели открытие и наблюдение целого созвездия поэтов и мудрецов. Между тем, мы без внимания упускаем мысли, потому что они наши; когда же встретим их в творениях гения, они нас поражают величию своей простоты. И вот наилучший урок, который преподают нам образцовые произведения первостатейных мастеров: они научают нас оставаться спокойно и непреклонно верными нашему воодушевлению, хотя бы оспаривал его крик всей вселенной. Не далее как завтра первый встречный станет вменять вам то, что вы передумали, перечувствовали; а вам придется со стыдом принять из вторых рук собственные ваши помыслы.

Верь в самого себя! — чье сердце не затрепещет от рокота этой звонкой струны? И великие люди всегда этому следовали; они доверялись, как дети, своему духу и подчас веровали, что сам Бог воспламенил восторг в их груди, что Он действовал их руками, Он владел и распоряжался всем их бытием. Станем и теперь повиноваться верховным велениям: они имеют высокие цели! перестанем то жаться по углам, то обращаться в бегство при одной мысли о возможности некоторых превратностей, но с полным благоговением, вручив себя, как благородную глину, деснице Всемогущего, будем благодетворить, искупать, воздвигать и все более стеснять области смерти и ничтожества!

В эпоху развития бывают минуты, в которые индивидуум ясно сознает, что подражание есть не что иное, как самоубийство, а зависть — незнание; что он обязан поверить в себя и, по доставшимся ему способностям, вывести итог, чем он хуже и чем лучше других. Он должен заранее убедиться в том, что, несмотря на обилие благ, находящихся в природе, его насытит только тот колос, который произрастает на почве, ему свойственной, и который будет возвращен и пожат собственным его трудом. Человек счастлив только тогда, когда он может сказать, что исполнил свой замысел, что положил душу на труд свой и до-

вел его до конца, как нельзя было лучше. Но если он поступает иначе, то, и покончив с трудом, он не почувствует ни отрады, ни облегчения; талант его хиреет, муза ему не доброжелательствует, на него не нисходит ни вдохновение, ни упование. Заранее тоже должен он знать, что недаром такая-то физиономия, такой-то характер производят на него впечатление, тогда как другие не производят никакого: глаз поставлен именно на том месте, где его озарит тот луч, о котором ему надлежит свидетельствовать, и человек обязан высказывать свои верования, свои убеждения гласно, открыто, до последней йоты.

Мы же едва осмеливаемся пролепетать малейшую частичку того, что мы есть на самом деле, да и то как бы стыдясь божественной идеи, которой бы каждый из нас должен служить глашатаем. Когда же утвердимся мы в вере, что божественная идея всегда направлена к целям возвышенным и что на нас лежит долг передавать ее людям со всевозможною точностью и прямою, потому что к трусу никогда не обращен призыв на заявление о делах Божьих?

Что за дивный образец предлагает нам природа в лице и в способе действий детей! Ребенок всюду как дома: он независим, он неответствен; поглядывая из своего уголка на людей и на все происходящее, он произносит свое суждение смело, проворно; объявляет вам без обиняков, что вы хороши, дурны, надоели ему, нравитесь или не нравитесь. Он не заботится ни о последствиях, ни о своей выгоде; его приговор высказан свободно и простодушно: вы можете ему льстить, он вашим льстецом не будет. Взрослый же человек всегда настороже и словно в тисках у самого себя. Кто лишь только раз выкажет себя делом, выскажет словом — кончено! человек скомпрометирован: за ним следует любовь или нелюбовь сотни неизвестных лиц, которых всех должно держать на счету. О, где желанные струи Леты! о, как бы ему опять вернуться к прежнему безличию, к прежней безвестности!..

Но если бы человек, раз вышедший из своего нейтрального безмятежия, продолжал бы вести себя прямо, естественно, неподкупно, откинув всякий страх и очистив свой взгляд от всякого предрассудка, он бы сделался богатырем, достойным поклонения всех людей, всех певцов. Его мощь получила бы закал вечной юности, его мнение обо всем случающемся не было бы мнением личным, но суждением вечным, абсолютным; его слова возымели бы власть; они вонзались бы как стрелы в уши людей и пробуждали бы их от застоя.

Такие голоса слышатся нам в уединении; но они слабеют и немеют, чем более мы вдаемся в свет. Общество повсюду в заговоре о том, чтоб удерживать своих членов в нескончаемом малолетстве; оно, как компании страхований, будет отпускать вам за известную плату столько-то продовольствия, столько-то охраны с условием, чтобы член его отрекся от своей свободы, от своего личного развития. Свет прежде всего любит, чтобы ему *подлаживали*: он ненавидит доверие к себе, ненавидит *суть* и существа, а благоволит только к навыкам и обычаям.

Кто хочет сделаться истинным человеком, тот должен отбросить *подлаживание*; кто хочет овладеть пальмою нетления, тот пусть не смущается названием добра, а тщательно доискивается, где и что Добро. Ничего нет святее безукоризненной честности нашего духа. Установите в себе это, и потом разрешайте сами собою все, что до вас ни касается: не замедлит и одобрение света. Мне стыдно припоминать, как уступчиво жертвуем мы словом и символом, как легко уживаемся с омертвелыми учреждениями и обычаями. Всякий господинчик, хорошо одетый и бойко болтающий, уже несколько ставит меня в тупик и прибирает меня к рукам более, чем бы это следовало по совести.

Пора бы, наконец, человеку узнать себе цену! Что же, в самом деле, разве он какой пролаза, подкидыш, незаконнорожденное произведение этого мира, который весь принадлежит ему?! Ему ли прятаться и робко озираться по сторонам? Нет! голова моя должна твердо и высоко стоять на плечах: я имею право жить моею жизнью, я имею долг говорить правду, чистую правду на всех перекрестках. Не дам дороги суете, лицемеру, пустосвяту, прикрывающему себя хламидою филантропии, соболезнавания о меньших братьях. Не забочусь я и о *его бедных*, они не мои бедные. Я предал себя душою и телом тем, с кем связан родством духовным; за них пойду и в тюрьму, и на плаху, но ваш сумбур Обществ пособий для неимущих бездельников, Обществ учреждения школ для глупцов, Общин построения храмов для преподавания той религии, на которой останавливаетесь вы, — нет и нет! Я каюсь в каждом долларе, который вы еще исхищаете у моей слабости, это доллар не впрок; и я уповаю, что придет день, когда достанет у меня силы отказать в нем вам! Добродетель, по мнению толпы, еще представляется каким-то исключением, а не общим правилом: есть человек, есть и его *добродетели*, то есть его хорошие человеческие свойства. Люди же до сих пор отправляют свои добрые дела то в ознаменование своего мужества или своего голубино-го сердца, то будто как штраф, наложенный на них в наказание за то, что они не ежедневно являются на тот или другой общественный парад. Они отделяются от него извинениями и взносом доброго дела, чтоб получить дозволение жить. Да какая мне стать искупать, извиняться, платить вам за то, что я живу? Жизнь дана мне не на показ вам, она дана мне, чтоб я жил ею. По-моему, я предпочитаю жизнь скромную, но естественную и самобытную. Конечно, я не прочь, чтоб мое существование было дорого для моих близких и громко сказалось бы чем-нибудь для далеких собратьев; тогда, несмотря на свое однообразие, оно

вместило бы все: дела любви и противоборства; испытания, одоление и стройность целого. Дайте и вы мне *исходным пунктом* удостоверение, что вы *человек*, а успеем ли мы доказать это друг другу делами и подвигами, то другой вопрос. Но как ни ничтожна моя теперешняя ценность, мои теперешние дарования, мне не нужно поручительства посторонних в том, что я на кое-что годен, и я не намерен платить как за привилегию за мое несомненное право пользоваться даром жизни.

Мой долг, а не людское мнение — вот о чем моя забота. Строго и трудно это правило во всегдашнем его применении и к жизни внутренней, и к жизни внешней деятельности, потому что вы на каждом шагу встретите людей преисполненных уверенности, что они лучше вас знают, в чем состоит ваш долг. Но это правило служит вернейшим оселком для распознавания великой души от небольшой. Легко жить по-своему в уединении; легко увлечься в свете мнением света; но человек, достойный этого звания, сохранит и в многолюдстве отрадную независимость уединения.

Приспособление к обычаям, до которых вам, в сущности, нет дела, — вот на что тратятся ваши силы, вот что лишает вас досуга, стирает все выпуклые особенности вашей природы. Здесь вы поддерживаете обветшалое учреждение, даете голос *pro* и *contro* разных партий; там, как наемный трактирщик, кормите на убой друга и недруга. За всем этим как трудно распознать, что вы такое на самом деле, не говоря уже о трате на пустяки наилучших способностей ваших! Но совершите дело, по природе свойственное вам, и вы тотчас на глазах моих выдвинетесь из толпы; совершите такое дело, и оно удвоит первобытные силы ваши. Если бы человек знал, что за *жмурки* эта игра в подлаживание! Вы принадлежите, например, к такой-то секте или партии, и я ни за что в свете не пойду на ваши совещания, на ваши спичи. Я заранее уж знаю,

что не услышу от вас ни одного слова свежего, вдохновенного, что вы все будете смотреть в одну сторону — сторону дозволенную; будете говорить не как человек, а как краснойбай известного кружка. Впрочем, многие слушатели станут утирать глаза платком и вступят с вами в общение мыслей... Подлаживание не делает их лживыми в том или другом случае: оно уже сделало их лживыми повсюду и навсегда. Их истина не есть истина. С ними два не два, четыре не четыре; доходит до того, что всякое их слово становится нестерпимо, и не придумаешь, чем бы их опять навести на разум. Тем временем природа не зевает и облекает всех нас в однообразный костюм колодника, заключенного в такую-то партию; черты лица мало-помалу получают древесную неподвижность и приобретают отменно приятное сходство с ослом.

Есть еще выражение физиономии, которого нельзя не подметить в обществе: это та глупая рожа, корчащая неискреннее поддакивание, та вынужденная улыбка, с какою мы выносим скучный разговор. Мускулы лица, не будучи внезапно подернуты и оживлены ощущением удовольствия, но уложены посредством медленного и поддельного усилия, неприятно напрягаются по всей поверхности облика и производят самое тяжелое впечатление; выражение отвращения и презрения видится так ясно, что ни один честный молодой человек не снес бы его дважды.

Конечно, труднее перенести гнев общества, чем выговор Сената или Присутственных Мест; но когда знаешь, что его милость и немилость не имеют глубоких корней, а носятся по произволу ветра и ходячей молвы, то человеку твердому легко справиться с неблагоприятностью образованных сословий: их бешенство осторожно и чинно, они знают, что и сами не без греха. Но когда к их женоподобному гневу присоединится ярость черни, когда с ревом и воплем вздымается животное и неразумное буйство низших слоев общества, тогда оказывается, как необходимо

упражнение в религии и в великодушии, для того чтобы встретить и этот взрыв как безделицу, не стоящую внимания.

После рабского подлаживания опасение другого рода ослабляет наше доверие к себе, это наша стойкость, то есть пристрастие к тем нашим поступкам и словам, за которые люди, не обладающие другим мерилом, возымели к нам почтение, которого вам жаль лишиться.

Да зачем же мы носим на плечах голову, беспрерывно мыслящую? Зачем, с другой стороны, обременяем себя чудовищным грузом памяти и боимся ей противоречить, потому что ей известно, когда и как я выразил иное мнение? Да если бы вам и случилось противоречить себе, так что же? Мне кажется правилом мудрости не опираться на одну память, даже в таких предметах, которые относятся чисто к воспоминанию, и что нам, напротив, нужно ставить прошедшее под строгий обзор настоящего и жить каждым новым днем. Верьте движению вашей души! Положим, что в метафизических изысканиях вы пришли к пантеистическому заключению о безличии Бога, но, если религиозные чувства наполняют вашу душу, дайте им простор и жизнь, дайте им цель, несмотря на то, что они ограничивают Бога образом и личностью. Бросьте, по примеру Иосифа, вашу верхнюю одежду в руках блудницы и бегите прочь.

Нелепая стойкость — это пугало, всегда стоящее на часах при особе маленьких политиков, маленьких богословов и философов. Великой душе нет до нее никакого дела. Уж не следует ли человеку зашить себе рот или вечно стоять на одном месте, чтоб отбрасывать свою тень все на ту же стену? Отнюдь нет! Если вы человек, высказывайте твердо и прямо то, что вы думаете сегодня, и столь же откровенными словами выразите и вашу завтрашнюю мысль, не беспокоясь о противоречии. Ах, Господи! да вас не поймут, воскликнут сердобольные старушки. Не поймут —

велика беда! Был понят Пифагор? а Сократ? а Лютер? а Галилей, Коперник, Ньютон и все великие, чистые души, когда-либо принимавшие плоть? Быть великим — несомненное условие быть непонятым.

Впрочем, не беспокойтесь: человеку невозможно насиловать свою природу. Все побеги его своеволия сглаживаются основным законом его бытия; они незначительны, как выси Андов и Гималаев на круглости земного шара, и все ваши ухищрения над своею природою производят мало проку. Мы слышем такими, какие есть; сущность нашей природы обнаруживается помимо нашей воли. Люди воображают, что они выказывают свои добродетели и пороки одними поступкам очевидными и не замечают того, что их хорошие или дурные свойства ежеминутно выступают наружу.

Итак не пугайтесь, если в разнообразии ваших действий не окажется выдержки характера; довольно того, чтобы каждый ваш поступок был честен и натурален в свое время; если он таков, то и все прочие, несмотря на кажущееся несходство, примкнут к нему в стройности. Мнимые неровности исчезают на недалежном расстоянии или на небольшой высоте мысли: их сглаживает единство направления. Ход лучшего корабля совершается не иначе как зигзагами, но когда смотришь на него издали, эти неправильности исчезают в прямой, всюду одинаковой тиши. Так объяснятся и ваши поступки, простодушные, естественные; подлаживание же не объясняет ровно ничего. Будьте просты, и предшествовавшие поступки, сделанные просто, оправдают и теперешние ваши действия. Хорошее прошедшее служит защитой и дает силу поступать открыто, пренебрегая мнением посторонних. Не заботьтесь о последствиях, а действуйте благородно — всегда! Все доброе и великое ждет своего суда от будущего. Что дает мудрым руководителям Палат и героям ратного поля величие, восхищающее наше воображение? Воспоминание

славных дел и славных побед, неразлучно с ними связанных; они в глазах людей окружают их будто видимым сонмом ангелов. В голосе Чатама слышатся раскаты грома; вся осанка Вашингтона дышит высоким достоинством; явится Адамс — и, кажется, видишь олицетворенную Америку.

Смею надеяться, что в наше время уже совсем напоследок слышались проповеди о подлаживании к обычаям и о стойкости в мнениях. Предадим эти слова на съедение журналистам, пускай они за них стоят и перебрасываются насмешками! Мы же будем без страха оглядывать и порицать грустную посредственность и пошлое довольство нашего времени! Бросим прямо в лицо навыку и обычаю следующий первостатейный исторический факт, что там, где действует человек, действует великое драматическое лицо, действует великий мыслитель, что истинный человек не принадлежит такому-то месту, такому-то времени, но что он может сделаться средоточием мира. Он измерит людей, события, и вы будете принуждены идти под его знаменами. Родится Цесарь — и на несколько веков создается Римская империя. Реформация возникает с Лютером, аболиционизм с Клэрксоном: всякое учреждение есть только удлиненная тень человека. Великая душа совмещает в себе все сотворенное, и человек должен стремиться к той точке, откуда уже равнодушно смотришь на обстоятельства и гнушаешься прибегать к средствам.

Мы читаем историю бессмысленно и бесплодно. Пышные имена: Король, Государство, Правительство, Аристократия — производят на наше воображение одуряющее действие. Положим, что король Густав-Адольф, король Альфред были добродетельны, но разве добродетель исчезла с лица земли вместе с ними, если смиренный мой сосед Джон или Эдуард захочет действовать для возвышенной цели, блеск величия перейдет на этого простого *джентльмена*. Конечно, мир и народы многому научились от ко-

ролей. Великий символ их сана представил людям пример того взаимного почтения, которое человек обязан оказывать другому человеку, а радостное доверие народов, уступившее своим владыкам честь раздавать отличия и земли деятелям на пользу и добро, — делам заслуги и правды, — не служило ли выражением того, что они понимают свои права и свое достоинство?

Теперь мы хотели бы изъяснить те основные причины, которые должны утвердить человека в доверии к самому себе и которые внезапно наводят его на открытия по части наук и художеств, озаряют лучом красоты каждый его поступок, изъятый от подражательности, проникнутый естественностью. Наши изыскания приводят нас к Источнику, вмещающему в себе и сущность добра, и сущность гения, и сущность жизни: в силу высшего соизволения пробуждаются врожденные нам способности и стремления. Для отличия от прочих пособий знания, которые есть не что иное, как усвоение преподаваемого метода, мы назовем это сообщение с нами Вечной Премудрости — *наитием*. Наитие! Это неиссякаемый источник мысли и деятельности; от него веет тем животворным вдохновением, которого нельзя отрицать без святотатства и безбожия. Посредством наития мы приближаемся к лону бесконечного Разума: он делает нас орудием своих предначертаний, храмом своих истин. Когда мы провидим, что такое любовь, истина, правосудие, мы сами по себе нимало не содействуем нашему духовному зрению, лучи эти просто и прямо проникают в наше существо; и как бы ни расспрашивали мы себя, откуда и каким образом это взялось, как бы ни домогались отыскать в существе нашем причину этих фактов, — ни философы, ни метафизики не в состоянии дать нам на этот счет ни малейшего разрешения. Присутствие или отсутствие вдохновения — вот все, что мы можем утверждать положительно. Каждый из нас может с совершенною яс-

ностью отличать произвольные действия своей души от этих невольных провидений, и человек чувствует, что он обязан благоговейно почитать их. Он может передавать их ошибочно и слабо, но он знает, что они несомненны как день и ночь. Все мои поступки, руководимые волею, все знания, мною приобретенные, есть что-то шаткое и случайное, тогда как внезапное погружение в тишь мысленную, самое простое чувство, вдруг охватывающее мою душу, в то же время и привычны мне, как что-то родное, и с тем вместе имеют сладость нездешнюю. Люди бессмысленные, разумеется, будут опровергать наитие, как оспаривают они и убеждения, и еще с большею легкостью, потому что смешивают провидение со знанием. Они воображают себе, что я по собственному выбору вдумываюсь в тот или другой предмет. Нимало: в провидении руководишься не прихотью, а предназначением. Мне видится этот луч истины; его может увидеть и маленькое дитя, может увидеть со временем и весь род человеческий, хотя может случиться и то, что никто не видал его до меня; тем не менее, мое провидение истины есть факт такой же неопровержимый, как существование солнца.

Сообщение души с Духом Божественным так свято и так чисто, что совершается без всякого посредничества. Если бы Господь удостоил обратиться ко всему миру, Он сообщил бы не одно, а все; наполнил бы вселенную громом своих глаголов, из среды своей мгновенной мысли излил бы свет, природу, время, сонмы душ, новые создания и новые миры. Точно так, когда божественная Мудрость коснется простой и внимательной души, в ней сглаживаются предания и ветхое поучения людей; в ней изобилует жизнь, и текущий час делается звеном соединения минувшего с будущим. Это естественно и очень понятно, а между тем, сколько еще великих умов не осмеливаются внимать самому Богу. Человек робок и все вымаливает себе снисхождения. Он едва отваживается сказать: я

есмы, я мыслю; но по большей части опирается на ту или другую цитату. Все мы похожи на детей, сперва повторяющих неопровержимые истины своих бабушек, потом — учителей, а по мере возраста, и других замечательных людей, попадающих им навстречу. С каким трудом стараемся мы вытвердить наизусть слова, слышанные нами; когда же дойдем до ступени, на которой стояли эти предшественники, и поймем смысл их слов, то с какою радостью стерли бы мы их из нашей памяти! Итак, при получении нового провидения, станем бодро очищать память от залежавшегося в ней хлама. Голос человека, живущего с Богом, обаятелен, как журчание ручейка, как шелест спелых колосьев, волнуемых теплым ветерком.

О! кто и когда достойно удостоверит нас в высокой истине наития! Все, что мы здесь ни говорим, есть только слабая его тень и отдаленное о ней воспоминание. Когда вы постигаете добро, когда вы преисполнены жизни, каким способом это далось вам или было подготовлено? Не видно следов ничьих шагов, не видно лика человеческого, не слышно ничьего голоса и никакого названия вещей, а между тем вас озаряют мысли, соображения, сознание благ необычайных, небывалых. Полнота этой жизни овладевает всем бытием нашим и будто отчуждает его от человечества. Все люди, когда-либо существовавшие, отвешаются от вас как призраки; страх и желание затихают. Нет мольбы на устах, и самая надежда кажется чем-то унижительным, мы находимся в состоянии видения... Это не радость, даже не благоговение — душа вознеслась выше всех ощущений: она созерцает творца сущего, она провидит самый источник истины и правосудия. Совершенная безмятежность, всемирное успокоение проходят сквозь нас: мы видим, что все — добро! Что такое обширные пространства, земные, водные, небесные, что такое промежутки времени, годов, столетий? Душа и чувство поглощают всю предшествовавшую мою жизнь, со всеми ее

событиями, они получают высокое значение, достойное моего теперешнего состояния. И такое высокое значение будут иметь и все возможные события: и что мы называем жизнью и то, чему даем имя — смерть.

Свет не терпит проявлений души, потому что такие проявления ослабляют авторитет прошедшего, покрывают стыдом его знаменитости, ставят на один уровень богатого и бедного и учат людей не верить свету на слово. Верить и говорить на слово, — просто стыд! Станем лучше говорить о том, что нам открывается: вот где жизнь и движение. Все блага, все добродетели заключаются в величии и в возвышенности души. Один человек или целое общество людей, проникнутых этим началом, по самому закону природы, покорят страны, народы, государства: они призваны властвовать и над богачом, и над певцом, не имеющим их превосходных свойств.

Нам следует преимущественно обращать внимание на жизнь текущую, а не на жизнь прошедшую. Всякая деятельность прерывается во время покоя; она возвращается в момент перехода от состояния прежнего к состоянию новому: в минуту, когда бросаешься в пропасть или пустишься бежать к цели. Но теперь мы стали настоящею чернью. Человек даже забыл и помнить, что он должен свято чтить человека; душе его не доводится даже узнать, что ее назначение пребывать в ясности и безмятежности, и вместо того, чтобы готовить себя к общению с океаном духовной жизни, она нищенски вымаливает кружку воды из водоема людей!.. Нам нужно поучиться ходить одним. Одиночество должно предварять истинную жизнь в обществе. Как люблю я храмы, тихие, безмолвные до начала обрядов и проповедей, которые скоро огласят их; как величавы и недостижимы кажутся мне церковнослужители, удаляющиеся в святилище. Станем и мы охранять наш внутренний мир, не забывая притом, что уединение состоит не во внешнем отчуждении, а в возвышении духа.

И потому будем по возможности всегда спокойны. Зачем, например, берем мы на себя вину нашего приятеля, проступок жены, дяди, сына по той причине, что они жили под одною с нами кровлей и что, как говорится, одна кровь течет в наших жилах? Но и у всех людей такая же кровь, как моя, а моя кровь такая же, как у всех людей. Разве из-за этого на мне лежит обязанность отвечать за всесветные глупости, безумства, преступления и считать себя покрытым позором и бесславием?

Если мы не в силах одним взмахом вознестись до святыни веры и повиновения одним законам вечным, будем, по крайней мере, сопротивляться искушению, станем на военную ногу и возбудим в вашей скандинавской груди мужественный дух Одина и Тора. Так можно поступать и в наше время искусственной деликатности и сентиментализма, высказывая всегда истину. Иногда случается, что весь мир сговорился терзать вас невыносимыми пустяками. Этот скучает, тому нездоровится; праздность, дела, нужда, недоумие толкнутся в вашу дверь и кричат: ступай к нам! иди к нам! Но ты не ходи! Не расточай на это своей души, оставайся спокойно в твоём небе, в твоей горнице и отнюдь не вмешивайся в их *факты*, в эту бестолочь самых призрачных нелепостей; но проливай свет незыблемых законов на их смятение и безалаберность. Я не признаю, чтоб за людьми состояла власть налагать на меня муки ради их пустого поверхностного любопытства. Покончите с притворными узами приязни и изъятиями гостеприимства; перестаньте раз и навсегда жить для исполнения ожиданий этих людей обманчивых и обманутых, с которыми вы водитесь. Скажите им: батюшка, матушка, друг мой, братец, до сих пор я жил с вами по всем условиям приличий, отныне же я принадлежу правде и буду следовать одним законам вечным. Я приложу все старания, чтобы доставлять пропитание моей семье и родственникам, и буду вернейшим мужем моей

жены, но все эти отношения обосную на начале новом, соответствующем духу моей природы, а не примеру других. Ваши обыкновения не по мне; я не могу долее для них уничтожаться. Если вы в состоянии любить меня таким, как я есть, это большое для нас счастье; если же нет, то верьте, что я все-таки буду достоин вашего уважения. Вникните еще раз, что мне должно наконец быть самим собою, перестать скрывать мои наклонности и мое отвращение, стоять за святыню моих глубочайших убеждений, и признаюсь вам, что я готов пред лицом вселенной приводить в действие мысли, наполняющие душу мою восторгом, и идти к цели, указываемой мне ею. Если в вас есть благородство, вы не лишите меня за это своей любви; в противном случае, я не оскорблю ни вас, ни себя лицемерною податливостью. Если, сами любя правду, вы не сознаете тех истин, какие сознаю я, ищите своих единомышленников, я буду искать себе моих. Не по духу гордыни или себялюбия решился я поступать так, но по смирению и искренности. Выгода моя, ваша, выгода всех людей — жить по правде, как долго не жили бы мы прежде по лжи. Мои слова кажутся вам теперь жестки, но не сегодня, так завтра, вы сами последуете внушениям своей природы, и если мы имеем в виду истину, она приведет и вас, и меня к одной цели.

Но, скажут мне, поступив таким образом, вы огорчите своих близких. Конечно, не могу же я, однако, закабалить и себя, и все силы моего духа из опасения потревожить их чувствительность. Притом на всех людей по временам находит рассудок, в такие минуты они ясно понимают, что добро, что истина, и в такие минуты я жду от них не только моего оправдания, но и подражания моему примеру.

И действительно, почти богоподобен должен быть тот, кто, отвергнув побуждения и причины, по которым обыкновенно действует человечество, решает-ся иметь доверие к самому себе. Высока должна быть

душа, тверда воля, ясен взгляд у того, кто может заменить себе общество, навыки, постановления и довести себя до того, чтобы одно внутреннее убеждение имело над ним ту же силу, какой клонит других железная необходимость.

Но, глядя на теперешний дух общества, нельзя не убедиться в необходимости этого правила. Нервы и сердце человека высохли, и все мы стали робкими, оторопевшими плаксами. Мы боимся правды, боимся счастья, смерти, боимся один другого. Много ли есть в наш век личностей великих, доблестных? Нет, нет между нами ни мужчин, ни женщин, способных дохнуть обновлением на нашу жизнь, на наш общественный быт. Большая часть людей нам современных оказываются до того несостоятельными, что они не в состоянии удовлетворить своим собственным потребностям; их самолюбивые притязания стоят в разительной противоположности с их действительным могуществом, которое со дня на день хиреет и оскудевает. Все мы — ратоборцы гостиных, и когда нужно сразиться с судьбою, мы благоразумно обращаемся вспять, не понимая, что в таком-то именно бою и крепнут силы.

Нашим молодым людям не посчастливится первая попытка, и они впадают в уныние; не повезет с первого шага новичку-купцу, и добрые люди твердят: он разорился! Если самый дивный гений, когда-либо учившийся на школьных скамейках, не имеет через год после учебного курса порядочного места в Бостоне или в Нью-Йорке, то и приятелям его, и ему самому уже чудится, что следует опустить крылья и горевать во всю остальную жизнь. О, да явятся среди нас твердые духом, которые растолковали бы людям, что в них есть множество данных и множество средств и что с доверием к себе в них обнаружатся новые возможности и силы! Да научат они нас, что человек есть слово, сделавшееся плотью; слово, назначенное для врачевания ран, нанесенных человечеству разными учреждениями, обычаями, книгами, идолопоклонствами!

С этой точки зрения нетрудно усмотреть, как большее доверие к себе и взаимная почтительность к божественности человека могут произвести самые важные перевероты во всех людских отношениях, занятиях, должностях; как могут измениться их образ воспитания, склад жизни, способы располагать имуществом и все условия их частных и корпорационных сближений; и цели их деятельности, и отвлеченные изыскания, и самая сущность их религии.

К слову о религии; посмотрим, в чем, по большей части, состоят молитвы людей и что такое молитва? Молитва есть доступ в бесконечность; она должна испрашивать у Бога даровать душе новую доблесть, поддержать, окрылить ее силою неведомою, неземною; молитва совокупляет видимое с невидимым, обыденное и знакомое с дивным и сверхчувственным. Молитва — это обзор всех событий жизни с высочайшей точки зрения, это одинокая беседа души, погруженной в созерцание и восторг от дел своего Создателя; души, согласной с Ним в духе и исповедующей; что всякое Его даяние благо и всяк дар совершенен. Но просить себе молитвою такую-то особую утеху, вне добра вечного, — недостойно человека; но смотреть на молитву, как на орудие к достижению той или другой житейской цели, — низко и постыдно. Такая молитва есть доказательство раздвоения, а не единения внутреннего сознания с законом естества, потому что человек, слившийся воедино с Богом, радостно отрекается от своей личности: возвышение духа сопровождает его и возбуждается на каждом шагу. Лодочник при всяком напоре на весло, земледелец пред началом работы, испрашивая благословения свыше, произносят молитву настоящую, понятную для всего созданного, хотя их цель кажется мало-важною и одностороннею.

Другой род ложных духовных вспомогательств составляют наши соболезнования и изъявления участия; в них виден недостаток самоуверенности и не-

дуг воли. Сожалейте о постигшем его бедствии, если вы тем облегчаете страждущего; или принимайтесь бодро за дело и исправляйте причиненное зло. Но наше сочувствие также трусливо, как и наши сожаления. Мы стремглав бежим к тому, кто плачет, — часто из-за пустяков, — потом садимся и громким кликом сзываем к делу утешителей каких ни попало, тогда когда следовало бы наставить его на путь истины и оздоровления хорошими электрическими ударами и тем восстановить снова деятельность его души. Тайна всех удач заключается в бодрости духа. Благословен богами и людьми человек, имеющий к себе доверие. Все двери растворяются пред ним настежь, о нем говорят на всех языках, его венчают все поэты, сердца всех несутся к нему навстречу потому именно, что он может обойтись без всего этого. Мы ревностно и щедро сыплем ему хвалы за то, что он шел своею дорогою и пренебрегал нашим одобрением. Боги любят того, кого возненавидит толпа.

Наши молитвы и соболезнования доказывают недуг воли; по немощи же разума мы слишком крепко полагаемся на то, что нам внушит чужой ум, более самобытный и деятельный. Явится какой-нибудь Локк, Лавуазье, Бентам, Шпурцгейм, подчинит множество людей своей классификации и — увы! своей системе. Чем глубже лежит его мысль, чем многочисленнее разряд предметов, затронутых им и поставленных под уровень понятий ученика, тем заманчивее кажется его система. Ученик с восхищением гнет все на свете под вновь изобретенную терминологию, и точно, на время, он многим обязан учителю, развившему своими сочинениями его мыслительные способности. Но для скольких ограниченных голов классификация становится идолом, концом из концов, а не средством скоро истощаемым; за пределами своей системы их глаз перестает видеть и дальний небосклон, и беспредельность вселенной. Им становится невозможным вообразить себе, чтобы вы, не-

знакомый с их системою, могли тоже иметь глаза, видеть ими далеко и ясно, и они заключают, что вы, вероятно, поживились лучом их света, не замечая того, что свет незаходимый, вечно юный, чудодейственный горит над миром, как в первый день сотворения и поглощает в своем сиянии все преходящие школы и системы.

Благодаря недостатку самобытного развития еще держится страсть к путешествиям и идольское поклонение Греции и Италии. Я не восстаю против путешествий, предпринимаемых для наук, искусств или образования; я желал бы только, чтобы прежде чем пускаться в дальние края, вы установились бы в самом себе и осмотрелись вокруг себя. Тот же, кто путешествует с целью рассеяться и для того, чтобы взглянуть вскользь на предметы, которые он с собою не унесет, *тот убегает от самого себя*, старается на первых порах молодости, и его ум, его воля делаются развалинами, такими же дряхлыми, как развалины Фив и Пальмиры. В часы трезвого уразумения мы сознаем, что долг наш там, где мы; что приятные спутники и улады даются нам своевременно, без нашего домогательства, и что нам не годится кидаться за ними в погоню.

Страсть к путешествиям есть признак глубокой порчи, закравшейся в наши умственные способности. Наш разум сбит с толку, образ же нашего воспитания еще более мечет его туда и сюда; оттого и ум гоняется у нас за тем и за другим, хотя тело поневоле сидит дома. Мы принимаемся тогда подражать отдаленному, чужеземному; по этим образцам пьем, едим, строим себе дома, перенимая вкусы, мнения, дух народов иностранных, времен прошлых, с раболепством служанки, следящей глазами за госпожой.

Поверьте мне, душа, одна душа создала искусства, где бы они ни появлялись. Художник находил свои образцы не в дали, а в собственном своем духе, прилепляясь мыслью к задуманному труду и сообразу-

ясь с условиями, которые надлежало соблюсти. Напирайте на самого себя, не подражайте никому! Придет тот час, когда вам возможно будет выказать дар, вам свойственный, во всей силе сосредоточенной целою жизнью, посвященной на его образование; тогда как даром перенятым вы пользуетесь на миг, и пользуетесь им наполовину. Где тот профессор, который образовал Шекспира, Франклина, Бэкона, Вашингтона, Ньютона? Изучение Шекспира сделает ли из меня второго Шекспира? Между тем как принявшись за дело, мне сродное, без излишней дерзости и самонадеянности, я могу придумать для его исполнения такую сноровку, которая, несмотря на различие, не уступит той, что облегчила Фидию ваяние, египтянам зодчество, Данту его поэзию. С другой стороны, если я вполне понимаю то, что говорят родоначальники мысли, без сомнения, и я имею способность отвечать им с тою же силою слова. Вселитесь в животворные области простоты и благородства, повинуйтесь своему сердцу, и еще раз воссоздадите вы утасшие миры красоты и стройности.

Как нет ничего самостоятельного ни в нашем богочитании, ни в воспитании, ни в изящных искусствах, так нет ничего положительного и в духе нашей общественной жизни. Весь свет хвалится прогрессом человечества, и никто нейдет вперед. То же самое заметно и в обществе: зайдя далее в одну сторону, оно отступает с другой; прогресс его мнимый, оно только хвастается за непрерывные перемены: варваризм и образованность, роскошь и наука, — все это различные положения, а не коренные улучшения. Сверх того, каждое подобное приобретение сопряжено с некоторым лишением; общество обогатится, например, новым открытием, а между тем утратит некоторое свойство, врожденное в каждом из нас. Какая разница между американцем, прекрасно одетым, пишущем, читающим, думающим, имеющем в кармане часы, карандаш, банковый билет, и обитателем Новой Зеландии, на-

гим владельцем одной палицы, рогожи и спящем, где случится! Но сравните здоровье этих двух людей, и вы увидите какого врожденного первостатейного преимущества лишился белый человек. Если верить путешественникам, рана дикаря, просеченного топором, заживает в день или два, тогда как такая же рана спровадит белого в могилу.

Образованный человек имеет экипажи, но едва владеет своими ногами. У него прекрасные женевские часы, но ему не узнать времени по солнцу; он купит астрономический календарь и, полагаясь на то, что найдет в нем все нужное, не сумеет отличить ни одной звезды на небе, не подметит ни весеннего, ни осеннего равноденствия, и все великолепные знаки зодиака не находят ни малейшего отражения на его мысли. Разумный человек всегда приходит назад к тому, что собственно необходимо для человека. Художества, открытия и изобретения суть только наружные вывески такого-то времени и не придают мощи человеку. Вред механических усовершенствований притупляет их пользу: Гудсон и Беринг, со своими простыми рыбацкими лодками, превзошли Парри и Франклина, чьи суда вмещали все пособия наук и художеств. С одною подзорною трубкою Галилей усмотрел целый ряд таких великолепных фактов, что все последующие открытия немного пред ними значат, а Колумб достиг Нового Света на самом дрянном корабле.

Еще вопрос: огромные собрания книг — плодоносны ли они для ума? Общества страхований уменьшают ли бедственные случаи? Не променяли ли мы на внешнюю утонченность нравов большое количество внутренней энергии? А установив чин и обряды Богослужения, много ли поддерживаем его пламенным, бестрепетным духом? В секте стойков каждый был стойк, но между христианами всякий ли христианин?

В законах нравственного порядка нет уклонений, точно так же, как нет их в физических законах тяго-

тения и быстроты движения: прогресс человеческого рода не зависит от времени. Все знания, все искусства, все философии и секты XIX столетия не производят людей выше «великих людей Плутарха». Тот, кто по духу сродни Фокиону, Сократу, Анаксагору, тот, не называясь их именем, остается просто сам собою и в свою очередь делается главою новых последователей.

По недостатку доверия к себе люди с величайшим тщанием поддерживают раз установившийся порядок: гражданский, учебный, религиозный; из боязни, чтобы удары, нанесенные этим учреждениям, не отозвались на их собственности; они до того опираются на внешность предметов, что на самый прогресс души человеческой, выражаемый в гражданственности, в просвещении и богопочтении, смотрят как на оплот своих владений. Их уважение измеряется богатством того и другого, а не внутренним достоинством человека. Но человек истинно просвещенный стыдится своих владений, своих капиталов, из уважения к своему. Еще более ненавистно ему его богатство, если оно досталось случайно, по наследству, в подарок или через преступления предков; он чувствует тогда, что оно не имеет с ним тесной внутренней связи, но держится в его руках, покамест не нашелся еще на него вор, или не похитила его революция.

Но по самому существу своему человек обязан приобретать, и его приобретения должны быть так жизненны и прочны, что никакие революции, правительства, толпы, бури, пожары и банкротства не могли бы потревожить его и чтобы такая собственность, где бы он ни находился, всюду имела силу обновления. «Будь покоен, — говорил Калиф Али, — твоя судьба ищет за тебя; так не пускайся же вдогонку по ее следам». Зависимость от благ, нам чуждых, внешних, доводит нас до рабского почтения многочисленности. Политические партии навалом являются в собрания: Ура! ура! вот уполномоченные Эссек-

са, — демократы Нью-Гемпшайра, — виги Мэна! — каждый молокосос приободряется, примкнув к сторукой и к стоокой толпе. Таким же образом составляют и реформаторы собрания из своих соумышленников: обсуждают и решают полчищем.

Нет, не при таких условиях, о друзья мои, Господь удостоит прийти и вселиться среди вас, — не при таких! А на основании, совершенно противоположном, — это тогда, когда человек отвергает гнилые, внешние опоры и, ничего не прося от людей, среди беспрестанных колебаний остается несокрушимым столпом окружающего. Человек, верьте мне, есть существо многозначашее, и тот, кто знает, что могущество заключается в душе, что он слаб, когда ищет силы вне себя, и, заметив это, неуклонно предастся идее, его одушевляющей, — то, обуздав и тело, и дух, делается властелином, идет прямо и свершает чудеса. Он похож на человека, который, стоя на своих ногах, естественно сильнее того, который опрокинулся головою вниз.

Поступайте так же и с тем, что называют *счастьем*; много у него поклонников и гонцов: поддержат его в руках и потеряют при обороте колеса. Не увлекайтесь такими преследованиями, они противозаконны; держитесь только правила причины и следствия, — вот исполнители Божественной воли. Добывайте себе все трудом и волею, этим налагаются оковы на колесо случая, которое навсегда покатится вслед за вами. Торжество вашей партии, понижение и возвышение биржевого курса, выздоровление от болезни, возврат отсутствовавшего друга, то или другое обстоятельство радуют вас, и вы начинаете надеяться, что для вас готовятся дни счастья. Не надейтесь — не сбудется! Никто не умиротворит вас, кроме вас самих, и ничто не удовлетворит, кроме торжества ваших убеждений.